

Вина, покаяние и компенсации в мировой политике

Category: Kitarcy, Publisistika

написано kitarcy | 22 января, 2025

Вина, покаяние и компенсации в мировой политике ВИНА, ПОКАЯНИЕ И КОМПЕНСАЦИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В последние годы государства активно используют застарелые обиды в качестве фактора, способного повлиять на международные отношения. Одним из самых обсуждаемых событий начала 2019 г. стал очередной эпизод в вопросе делимитации Южно-Курильских островов. Ситуация с Курилами – показательный пример того, насколько удобно порой разыгрывать историческую карту в современном политическом противостоянии. Подобные баталии особенно часто разворачиваются в российско-украинских отношениях – века совместной истории дают о себе знать. Самое интересное начинается, когда в двусторонние тяжбы вмешиваются третьи страны. Так, в самом конце 2018 г. Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию о признании украинского голодомора 1932–1933 гг. сознательным геноцидом украинского народа со стороны советского руководства. Попытки объяснить, что в ту эпоху сгинули тысячи советских граждан не только украинского происхождения вызвали лишь ответную агрессию и поток новых оскорблений.

Отношения России со странами Балтии также существенно осложняются полувековой совместной историей. Именно Эстония, Литва и Латвия в 1988–1989 гг. начали процесс одностороннего провозглашения независимости, которое вошло в учебники истории как «парад суверенитетов». Противостояние сторонников независимости и частей Советской армии в Вильнюсе в январе 1989 г. перешло в горячую фазу, в результате чего погибло четырнадцать человек. 27 марта 2019 г. суд Литвы заочно приговорил последнего министра обороны СССР Дмитрия Язова, которого литовская сторона считает организатором операции, к десяти годам тюрьмы. Обвинительные приговоры, как очные, так и

заочные, вынесены еще несколькими бывшим советским офицерам. Вопрос о том, как должны вести себя официальные власти в случае гражданских волнений, многие годы остается открытым. Примеры Виктора Януковича и киевского Евромайдана в 2014 г., Мариано Рахоя и Каталонии в 2017 г., Эммануэля Макрона и «желтых жилетов» в последние несколько месяцев свидетельствуют о том, что универсальных рецептов не существует и каждый руководитель действует на свой страх и риск.

Прибалтийские страны в последние годы все активнее разыгрывают карту «советской оккупации», требуя от России многомиллиардных компенсаций. Продвигается концепция реституционизма, согласно которой каждый год из пятидесяти, которые Латвия, Эстония и Литва провели в составе СССР, должен быть щедро компенсирован. Вероятность получения хоть каких-нибудь реальных сумм в случае выставления многомиллиардных счетов за «советское прошлое», а также всяческие «аннексии» и «оккупации» составляет примерно один шанс из тысячи. Но обвинения, подкрепленные финансовой составляющей и конкретными цифрами, всегда выглядят куда весомей в политических дебатах.

Российская Федерация также не осталась в стороне от захватившего многие государства тренда на «исторические компенсации». Так, в конце марта текущего года спикер Государственной думы РФ Вячеслав Володин предложил рассмотреть вопрос о выставлении Киеву внушительного счета за годы нахождения Крыма в составе Украины: «Через наши парламентские структуры, европейские структуры мы с вами возьмем и обяжем Украину компенсировать то, что потерял Крым за эти 25 лет». К сожалению, амбициозным мечтам о справедливости вряд ли суждено стать явью, поскольку никаких юридических механизмов для их воплощения в жизнь попросту не существует. Нет ни международных судов с соответствующей юрисдикцией, ни механизмов имплементации. Международное правосудие пока даже близко не подобралось к тому уровню развития, которое позволяет ждать реальных международно-правовых последствий подобного заявления, а также добиться каких-либо реальных выплат.

Но не только постсоветское пространство лелеет былые обиды. В

2018 г. резко обострилась напряженность между Японией и Южной Кореей по вопросу о так называемых «женщинах для утешения», которых в 1930–1945 гг. заставляли заниматься проституцией. Аналогичные претензии к Японии имеют Китай, Индонезия и Вьетнам, но именно с Сеулом в 2015 г. удалось заключить примирительное соглашение в обмен на официальное признание вины, принесение извинений и выплату компенсации на общую сумму более 8 млн долларов. Однако новый президент Мун Чжэ Ин заявил, что извинения были формальные и неискренние, а компенсация недостаточной, и сегодня старый вопрос вновь мешает дружбе двух стран.

Еще один важный политический тренд – пересмотр собственной истории в рамках текущего политического дискурса. Например, в России активно обсуждается необходимость переоценки участия Советского Союза в Афганской войне. Хотя Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. осудил ввод советских войск в Афганистан, тридцать лет спустя вопрос вновь поднимается в Государственной думе, при этом со ссылкой на загадочные «принципы исторической справедливости». Барометром политических настроений россиян являются бесконечные социологические опросы об отношении к личности и деяниям Иосифа Сталина, а также сакраментальный вопрос о том, «ощущаете ли Вы ностальгию по советскому прошлому».

Призраки ушедших лидеров гуляют и по Европе, где действующие политики явно уступают по яркости и харизме своим предшественникам. В начале года правительство Испании приняло решение перезахоронить останки Франсиско Франко из Долины Павших, которая должна стать не местом паломничества поклонников диктатора, а местом примирения. Более того, социалистическая партия пролоббировала закон «Об исторической памяти», который признает Долину Павших мемориалом жертв франкизма, что и вызывает необходимость перенести могилу каудильо. В свою очередь Народная партия полагает, что перенос захоронения и попытки переименования улиц – неудачная попытка забыть собственную историю или разделить ее на черное и белое. В 2019 г. в Румынии отмечается 30-летие расстрела семьи Николае Чаушеску, рейтинги которого в современном румынском

обществе неуклонно растут. Чаушеску, безусловно, спорная личность, а также политик, активно использовавший репрессивные методы управления. Однако наспех проведенное судилище, обвинения в наличии иностранных счетов, которые так и не были найдены – все это заставляет задуматься о том, можно ли отдавать судьбу главы государства в руки собственного народа или имеет смысл развивать международные суды и трибуналы, способные обеспечить хоть какую-то объективность судейства.

■ Коллективное бессознательное

Психологи считают, что память человека – это не набор реальных фактов, а лишь совокупность восприятия этих фактов конкретным сознанием, пропущенная сквозь призму индивидуального опыта и темперамента. Именно поэтому свидетели одного и того же происшествия нередко расставляют разные акценты, вплоть до формирования «ложных воспоминаний». Коллективная память существует по тем же законам. Любое государство сознательно использует примеры подвигов и геройства для формирования духоподъемных образов для агитации и пропаганды. Со временем такие примеры становятся легендами и все дальше и дальше отходят от реальных событий.

То, что исторические события активно используются в политическом дискурсе, можно частично объяснить ростом влияния информационного компонента на мировую политику. Однако данная причина не является исчерпывающей. Во-первых, эксплуатировать дела минувших дней в актуальной повестке – очень удобно. События происходили давно, живых свидетелей либо не осталось, либо почти не осталось, реальные факты как геройств, так и злодейств обросли мифами и могут интерпретироваться весьма вольно. Во-вторых, государство консолидируется образами, которые впитываются со школьной скамьи, а значит, любые попытки покуситься на них воспринимаются как враждебные, что может вести к разжиганию межгосударственных противоречий.

Большинство современных государств вправе иметь внушительный список взаимных обид и претензий. Показательным примером того, как можно забывать эти обиды или хотя бы делать вид, что они

забыты, является Европейский союз. Описание войн и конфликтов между европейскими народами потянет на десятки увесистых томов. Тем не менее после Второй мировой войны на западной части европейского континента воцарился не просто мир, но появилось общее «пространство людей, товаров и услуг», объединенных «европейскими ценностями». Безусловно, демарш Великобритании в форме Брексита против европейской директивной системы, а также подъем «альтернативных» сил на континенте пошатнули позиции самого амбициозного интеграционного проекта в мире, но суть его остается неизменной – создание системы экономических обязательств, при которых война является наихудшим выходом из всех возможных.

■ Око за око?..

Проблема международно-правовой ответственности государств и индивидов является, наверное, самой философской из всех юридических, поскольку ставит вопросы, не имеющие однозначного ответа. Сколько стоит человеческая жизнь? А три миллиона жизней? Влияют ли на стоимость гендерные, возрастные, этнические и религиозные характеристики погибших? На кровь обязательно нужно отвечать кровью или справедливого суда достаточно? Какой суд можно считать справедливым и где взять судей, которые были бы беспристрастны или хотя бы стремились к беспристрастности? Кто должен нести ответственность за развязывание войн, геноцид, апартеид и прочие преступления – лидер государства, политическая элита, весь народ? И имеют ли эти злодеяния сроки давности? И это лишь неполный перечень вопросов, с которыми действующей системе международного правосудия приходится работать последние десятилетия. На многие из них ответы так и не найдены.

Когда жажда справедливости не дает забыть об исторических обидах целым странам и народам, вполне очевидно желание обратиться в судебные инстанции. Вопрос лишь в том, какой именно суд выбрать – международный или национальный. Первый вариант представляется наиболее логичным. Проблема в том, что выбор международных судебных инстанций, куда можно было бы

обратиться по поводу «исторических обид», невелик. Первое, что приходит в голову – Международный суд ООН. Процесс будет долгим, трудным, а также сопряженным с массой ограничений, самым ощутимым из которых является то, что решение суда будет иметь лишь рекомендательный характер.

Судьбу же конкретного государственного деятеля, проводившего преступную политику, может решить либо трибунал (создание которого нужно согласовать через Совет Безопасности ООН), либо Международный уголовный суд (МУС).

Идея создания МУС обсуждалась более полувека. Он задумывался как институт, обладающий юрисдикцией в отношении тягчайших международных преступлений (геноцида, апартеида и преступлений против человечности) и способный преодолевать должностные иммунитеты любых политических деятелей, в том числе глав государств. Менее чем за пятнадцать лет работы МУС стало очевидно: надежды на то, что он выведет международное правосудие на новый, доселе невиданный уровень, не оправдались. Во-первых, МУС обнаружил предвзятость и избирательность (большая часть дел возбуждается в отношении африканских лидеров); во-вторых, он имеет колоссальное число ограничений, главным из которых является то, что любое государство может либо вовсе не участвовать в его деятельности, либо в любой момент отозвать свою подпись. Например, в 2002 г. из него вышли США, посчитав, что участие в работе суда ущемляет их национальный суверенитет. В 2016 г. свою подпись отозвала Российская Федерация, указав на крайне низкую эффективность суда, который за пятнадцать лет вынес всего четыре приговора, израсходовав при этом более миллиарда долларов. Бывают причины и вовсе банальные: например, после объявления в 2018 г. о начале расследования преступлений, в которых мог быть замешан действующий филиппинский президент Родриго Дутерте, Филиппины отозвали свою подпись.

■ Не виновен, но больше так не делай

Поскольку человеческая жизнь по историческим меркам весьма непродолжительна, очень часто международное правосудие в

отношении отдельных индивидов не успевают свершиться. Ответственность государства остается актуальной гораздо дольше. В настоящее время «рабочими» считаются три формата международной ответственности, которые можно вменить государству: во-первых, реституция в виде конкретных материальных ценностей; во-вторых, денежная компенсация (самая простая форма ответственности до тех пор, пока не встает вопрос о размере компенсации за тысячи смертей); в-третьих, сатисфакция, предполагающая признание государством вины и принесение официальных извинений.

Запрет иметь собственную армию также является весьма дискуссионной формой международной ответственности. Пример Германии и Японии, которые полвека спустя после запрета на собственные вооруженные силы смогли сначала создать «силы самообороны», а затем и полноценные армии, свидетельствует о том, что бессрочным данный запрет быть не может.

Часто бывает так, что государство вообще не несет никакой ответственности за совершение преступлений, будь то война, массовое истребление, сегрегация, принудительная стерилизация и прочее. Причины масса: прошло слишком много времени, и политическая ситуация изменилась; на момент совершения преступлений отсутствовали международные договоры, за несоблюдение которых можно было бы привлечь государство; отсутствие органов правосудия с соответствующей юрисдикцией и прочее.

Потенциально самым «долгоиграющим» форматом международной ответственности является сатисфакция, поскольку извиниться никогда не поздно. Именно поэтому в Японии до сих пор ждут извинений от США за бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а в Армении – признания Турцией геноцида армян в Османской империи. Сатисфакцию может осуществлять и международная организация. Например, в конце 2016 г. ООН взяла ответственность за действия своего миротворческого контингента, которые способствовали вспышке эпидемии холеры на Гаити в 2010 г., унесшей жизни десяти тысяч человек. В марте 2018 г. 62% опрошенных сербов заявили, что не приняли бы извинения НАТО за бомбардировки Югославии. Собственно, пока

альянс вовсе не собирается их приносить.

Определить время, по истечении которого государствам становится уже не комильфо обижаться друг на друга, практически невозможно. Например, польские историки в обосновании причин неприязни к России копают минимум от Речи Посполитой, плавно подводя к катынским событиям и заканчивая катастрофой Ту-154 с президентом Лехом Качиньским на борту в 2010 году.

Когда еще живы свидетели событий, вполне понятно, что боль не утихает – это касается и тех, кто выжил после атомной атаки на японские города, и тех, кто пострадал от применения «Агента “Оранж”» во Вьетнаме. В то же время с момента ирландского голодомора, памятники которому появляются все чаще, прошло уже более полутора веков, геноцида армян и геноцида в Намибии – более сотни лет, а актуальность этих событий все еще весьма высока.

Но что же делать, если привлечь государство к ответственности через международные суды не удастся? Можно попробовать действовать напрямую через органы национального правосудия. На первый взгляд, шансы ничтожно малы (просто представьте – вы приходите в своей стране в суд и просите призвать к ответственности другое государство). Как ни странно, именно данный вариант получил большой резонанс в последние годы, благодаря принятию в США в сентябре 2016 г. закона «Правосудие в отношении спонсоров терроризма» (JASTA). Этот документ позволяет американским гражданам подавать иски в национальные суды против тех государств, которые они считают виновными в теракте 11 сентября 2001 года. Поскольку большинство террористов были подданными Саудовской Аравии, на саудитов обрушились иски. Ситуация с американскими исками стала одним из ключевых вопросов, которые наследный принц Мохаммед бин Салман Аль Сауд обсуждал с Дональдом Трампом весной 2018 г., так и не придя к согласию. Естественно, юридических механизмов заставить государство платить по данной схеме не существует, однако всегда остаются политические и экономические рычаги давления, в том числе старые добрые санкции.

Государства, пострадавшие от американских действий, также

пытались реагировать подобным образом. В начале XXI века во Вьетнаме была создана ассоциация жертв «Агента “Оранж”», токсичного дефолианта, который ВВС США использовали полвека назад. Ассоциация потребовала от американского правительства компенсации. В 2006 г. Конгресс признал ответственность за применение во Вьетнаме дефолиантов, но все ограничилось лишь констатацией факта. В 2011 г. Конгресс обсуждал перспективы учреждения программы выплат пострадавшим от «Агента “Оранж”», включающую помощь медицинским учреждениям Вьетнама, занимающимся инвалидами той войны. Однако программа так и не была принята. Кроме того, жители Вьетнама и Южной Кореи неоднократно пытались призвать к ответственности компанию Monsanto, производившую «Агент “Оранж”», и подавали иски как в суды своих государств, так и в американские, но безуспешно.

В Марокко действует ассоциация потомков марокканцев, пострадавших от химического оружия, которое Испания применяла во время Рифской войны 1921–1926 гг. Члены ассоциации пытаются добиться компенсаций от испанского правительства, но пока без особых результатов.

Можно констатировать, что признание государством собственной вины по-прежнему является существенным камнем преткновения в процессе реализации международной ответственности. А вот признание чужой вины – это сугубо личный и добровольный акт каждого государства. Например, официальное признание геноцида армян на государственном уровне по-прежнему самый простой способ испортить отношения с Турцией. Как правило, Анкара реагирует нотами протеста, отзывом послов и гневными комментариями. Тем не менее за последние пять лет на данный шаг решились Австрия, Люксембург, Болгария, Бразилия и Парагвай в 2015 г., Германия в 2016 г., Чехия и Дания в 2017 г., а также Нидерланды в 2018 г. В крайне неловкое положение в прошлом году попал Израиль, в парламенте которого сначала официально анонсировали голосование о признании факта геноцида, а затем отменили его.

Сложно сказать, чего больше в этих решениях – цепной реакции по типу «сосед признал – почему бы и нам не признать» или стремления уколоть политическую элиту Турции. Или же

правительствами движет искреннее желание почтить память жертв геноцида? Может, и так, но почему должно было пройти более ста лет для того, чтобы это желание вдруг возникло? И правильно ли использовать «политику памяти» в качестве разменной монеты?

Важно отметить, что Турция со времен Мустафы Кемала Ататюрка последовательно отрицает факт армянского геноцида, считая данную тему лишь поводом для политических спекуляций. За «очернение турецкой нации» в форме признания геноцида по-прежнему сохраняется уголовное наказание сроком до двух лет тюрьмы. Предложение президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана создать совместную турецко-армянскую комиссию историков для установления фактов не получило продолжения.

В феврале 2019 г. Эммануэль Макрон подписал указ, согласно которому 24 апреля во Франции, где проживает самая большая в Европе армянская община, будет отмечаться как Национальный день памяти жертв геноцида армян. Любопытно, что во Франции, столь толерантной к одним меньшинствам, в последние пять лет происходит процесс нарастания неприязни к другой этнической группе – евреям. Антисемитизм вообще может служить одним из наиболее ярких проявлений беспричинной неприязни к конкретному народу. Массовое признание холокоста как великой трагедии еврейского народа (и всего человечества), а также создание государства Израиль в 1948 г. привели к тому, что вторая половина XX века в целом характеризовалась толерантным отношением к евреям. В 1965 г. Папа Римский Павел VI подписал буллу, в которой снимал с евреев «коллективную историческую вину» за распятие Христа. В 2011 г. Бенедикт XVI в своей книге «Иисус из Назарета» резонно отметил, что евреями были не только те, кто распял Иисуса, но и сам Христос и его первые последователи. Но если богословские оценки становятся все мягче и деликатнее, то на светском уровне немотивированные вспышки антисемитизма происходят все чаще.

По данным социологического исследования новостной службы CNN, 20% французской молодежи даже не слышали о холокосте. Многочисленные опросы и аналитические доклады последних пяти лет свидетельствуют об эпидемии юдофобии на Западе. При этом наблюдается заметная асинхрония между действиями правительств

и настроениями отдельных категорий населения. С одной стороны, в 2018 г. Совет Европейского союза единогласно принял «Декларацию по борьбе против антисемитизма и развития общих подходов в сфере безопасности для лучшей защиты еврейских сообществ и институтов в Европе». С другой стороны, усилиями отдельных граждан антисемитизм стал переходить в практическую плоскость – убийства, погромы, теракты в синагогах.

Признание холокоста или же геноцида армян являет собой просто непаханое поле для исследователей. Важно отметить, что данная тематика, при всей своей актуальности, практически не имеет правовых основ. Любое признание (нового государства, сменившегося правительства, исторического события и так далее) – это всегда односторонний добровольный акт государства. В марте текущего года резонансное заявление президента США Дональда Трампа о признании Голанских высот территорией Израиля заставило скрупулезно изучать историю Шестидневной войны 1967 г. даже тех, кто был весьма далек от хитросплетений ближневосточной политики. Более того, информационное пространство наводнили публикации, проводящие параллель между Голанскими высотами и Крымом.

До тех пор, пока институт признания продолжит оставаться «черной дырой» международного права, где процветают «двойные стандарты» и абсолютный волюнтаризм, подобные дестабилизирующие ситуации будут происходить постоянно. Ни резонансная ситуация 2008 г., когда одни и те же страны совершенно по-разному реагировали на самопровозглашенные государства Косово, Абхазию и Южную Осетию, ни случай 2014 г., когда Россия и западные государства резко разошлись в вопросе признания правомерности событий на Украине, не подтолкнули международное сообщество к внесению уточнений в данный вопрос. Именно поэтому очередные «грабли» в виде противостояния Николаса Мадуро и Хуана Гуайдо в Венесуэле, вызывающие полярную реакцию в мире, вряд ли существенно изменят сложившееся положение, при котором признание продолжает оставаться самым политическим из всех юридических действий государства.

■ Сам себе судья

Единственным по-настоящему рабочим форматом получения от государств компенсации за те или иные исторические события является добровольное признание собственной вины.

Наиболее впечатляющим примером того, как страна последовательно и вдумчиво несет крест в виде груза международной ответственности за весь последний век собственной истории, является Германия. В 2010 г. немецкое правительство завершило выплату репараций за Первую мировую войну. По итогам Второй мировой войны, помимо серьезных официальных обременений по положениям послевоенных договоров, в течение всей второй половины XX века германское правительство по собственной инициативе принимало различные законы для возмещения ущерба жертвам войны и холокоста. В 2000 г. Бундестаг принял закон о создании специального фонда «Память, ответственность, будущее» для выплаты компенсаций лицам, работавшим по принуждению, и некоторым другим жертвам нацистского произвола. В начале 2019 г. Германия выделила 12 млн евро пережившим блокаду Ленинграда, в очередной раз отметив, что признает ответственность за преступления вермахта.

В феврале этого года мировые СМИ облетела новость о том, что более двух тысяч человек, проживающих во Франции, Бельгии, Польше, Чехии и других европейских странах, по сей день получают пенсии от немецкого правительства за «верность, преданность и подчинение», установленные Гитлером еще в 1941 году. Назрел настоящий скандал: как публичное осуждение нацизма может сочетаться с выплатой пенсий пособникам данного режима? Общественное возмущение вполне объяснимо, однако можно посмотреть на ситуацию с другой стороны. Германия всячески подчеркивает, что принимает на себя ответственность за все деяния предыдущих правительств, какими бы они не были. Более того, Германия продолжает очищаться и от иных, гораздо менее известных широкой публике исторических деяний. В начале XX века немецкие солдаты совершили массовое истребление племен гереро и нама на юго-западе Африки, уничтожив более 70 тысяч

человек. В 2011–2018 гг. Германия несколько раз передавала Намибии останки коренных жителей Намибии, которые хранились в немецких музеях, а также принесла официальные извинения.

Франция в последнее время также отличилась в данной области. Так, в сентябре 2018 г. Эммануэль Макрон впервые официально признал, что французские солдаты применяли пытки при подавлении восстаний в Алжире в 1950-х гг., и принес за это извинения.

Отдельное направление исторической ответственности государств – признание вины за действия предшествующих правительств в отношении собственных граждан. Примером может служить политика принудительной стерилизации, практиковавшаяся в Швеции в 1935–1975 гг., одним из идеологов которой была Альва Мюрдаль (по иронии судьбы – лауреат Нобелевской премии мира 1972 г. за гуманитарные заслуги перед человечеством). Стерилизации подвергались граждане, признанные умственно или расово неполноценными. Только в конце XX века, после ряда журналистских расследований и широкой огласки, шведское правительство начало выплату компенсаций пострадавшим.

Еще один пример – ответственность за расовую сегрегацию в США, которая формально завершилась в конце 1960-х гг., однако ее последствия оказывают колоссальное влияние на современное американское общество. Своеобразной гиперкомпенсацией можно считать «позитивную дискриминацию», выражающуюся в создании максимально комфортных условий для некогда дискриминируемых категорий. Реванш афроамериканцев можно наблюдать в самых разных областях, начиная от номинаций на музыкальные и кинематографические премии и заканчивая членством в американском Конгрессе.

Есть и более впечатляющие в плане сроков давности примеры. В 2001 г. губернатор штата Массачусетс подтвердила невиновность девятнадцати «салемских ведьм», казненных в конце XVII века. В 2008 г. парламент Швейцарии оправдал Анну Гёльди – последнюю женщину в Европе, приговоренную в 1782 г. к смерти за ведьмовство.

В особую категорию можно отнести ответственность государств за события, связанные с колониальной эпохой и ее последствиями.

Так, в 2004 г. в Новой Зеландии была создана партия, представляющая интересы коренного народа маори. В Австралии с 2007 г. вещает Национальное аборигенное телевидение. Правительство Японии в 2008 г. признало айнов коренным населением японских островов. В 2009 г. Конгресс США принес официальные извинения североамериканским индейцам за «множество случаев насилия, плохого обращения и пренебрежения». Кроме того, термин Indians в Соединенных Штатах постепенно заменен на политкорректное Native Americans, а в Канаде – на First Nations.

В последние годы в американском публичном пространстве активно развивается запрет на «культурную апроприацию», предполагающую использование одной культурой символов и развлекательных атрибутов, которые могут задеть чувства представителей другой культуры. Например, бейсбольная команда штата Огайо с 2019 г. отказалась от карикатурного изображения вождя Ваху в качестве своего логотипа. Индейские активисты добивались этого более полувека.

В данную тенденцию вписывается и сознательный отказ от любого, хотя бы и косвенного намека на темный цвет кожи, в том числе запрет на грим blackface. Так, в Метрополитен-опера уже четыре года исполнители партии Отелло не используют темный грим, а Наташу Ростову в бродвейской постановке «Война и мир» 2016 г. сыграла чернокожая актриса.

* * *

Таким образом, формат современных международных отношений не позволяет, подобно герою фильма «Брат», утверждать, что «сила – в правде», поскольку становится все очевиднее, что правда у каждого своя. Практически каждое государство позиционирует себя на международной арене, отталкиваясь от собственной исключительности и уникальности. При этом поводы для гордости и поднятия самооценки не всегда должны быть видны невооруженным глазом. Необязательно быть США с их третьей мирового ВВП, Россией – с самым большим ядерным арсеналом или Китаем – с населением, уверенно приближающимся к полутора

миллиардам человек. Постоянное возвращение к истории во многом объясняется тем, что, каким бы ни было настоящее той или иной страны, в ее прошлом всегда найдется повод для гордости. Финляндия как родина Санта-Клауса привлекает огромное число туристов. Ирландия позиционирует себя как страна с наибольшим в мире количеством нобелевских лауреатов по литературе на душу населения. Небольшая по размерам Италия лидирует в списке всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

История не знает сослагательного наклонения, поэтому все плохое и все хорошее в результате привело нас к той точке, в которой мы находимся сегодня. А вот куда двигаться дальше – вопрос открытый. Джон Локк полагал, что память подобна медной доске, покрытой буквами, которые со временем сглаживаются, если не обновлять их резцом. Когда речь идет о политической конъюнктуре, резцом порой начинают работать особенно усердно. Правилен ли бесконечный пересмотр истории – вопрос философский, однако можно с уверенностью сказать, что политические и юридические последствия подобного переосмысления уже стали неотъемлемой частью международной повестки.

№3 2019 Май/Июнь

Кира САЗОНОВА,

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления РАНХиГС при президенте РФ.
Publisistika